

ИСТОРИЯ

УДК 94(510.4)

Е.Б. Баринова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ КИТАЯ С КОЧЕВЫМИ НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Рассматриваются разные аспекты отношений Китая с кочевниками Центральной Азии, которые связаны с переселением соседних народов на северные границы Империи. Важнейшей особенностью сложившейся этнополитической ситуации было то, что государственно-политическое объединение северного Китая обеспечило объективные условия и возможности для наиболее тесного взаимодействия и постепенного культурного объединения различных народов империи на основе более древней и высокоразвитой китайской культуры.

Ключевые слова: Китай; Центральная Азия; этнокультурные контакты; Средние века.

Политика Китая в отношении окружающих его кочевых народов, прежде всего Центральной Азии, значительно различалась в отдельные исторические эпохи, хотя стратегия всегда была одна – максимально расширить сферу влияния на окружающие территории и в то же время обезопасить население своего государства от внешней агрессии¹.

На начальном этапе Китай решал эту задачу, стремясь отдалить кочевников от своих границ и максимально отгородиться от их проникновения. С этой целью при династии Цинь была построена Великая стена, а при династии Хань создана укрепленная линия. Однако защита границ с использованием оборонительных сооружений требовала больших материальных затрат и не приносила желаемых результатов.

Тогда политика в отношении кочевников была пересмотрена. В правление ханьского императора У-ди была использована новая тактика борьбы с кочевниками. В 119 г. до н.э. военачальник Хо Цюйбин (140–117 гг. до н.э.) переселил к укрепленной линии в пяти округах – Шангу, Юян, Юбэйпин, Лядун и Ляоси – часть кочевого народа ухуаней², которые традиционно находились во враждебных отношениях с сюнну³. Их задачей было следить за передвижениями кочевых народов на приграничных территориях. Переселение ухуаней было произведено не на китайские земли, а к укрепленной линии, поэтому это переселение еще нельзя рассматривать как появление кочевников на территории Китая⁴.

В период правления ханьского императора Сюаньди (74–49 гг. до н.э.) началось переселение кочевников непосредственно в Китай. В 51 г. до н.э. шаньбой⁵ сюнну признал себя слугой китайского императора, а в ответ династия Хань выделила для сюнну северную часть области Бинчжоу (северные районы современных провинций Шаньси и Шэнси). В итоге более 5 тыс. сюннуских юрт явились во входившие в эту область округа, в том числе округ Шофан (на территории современного Автономного района Внутренняя Монголия), и стали смешанно жить с ханьцами [6. С. 151].

Следующее крупное переселение произошло в начале Поздней Хань. Оно связано с тем, что в 48 г. среди сюнну произошел раскол, в результате которого они разделились на северных и южных. Южные сюнну выразили покорность китайскому императору

и стали защищать границы Хань от набегов северных сюнну. Численность сюнну, оказавшихся на китайских землях, быстро росла. В основном рост происходил за счет пленных, захватываемых в войнах с северными сюнну, а также за счет перебежчиков [7. С. 13]. В начале правления циньского императора У-ди (265–290 гг.) в связи с сильным наводнением более 20 тыс. юрт явились в Китай, и им было указано жить под уездным городом Иян, лежавшим в 70 ли к юго-западу от современного Лояна в провинции Хэнань. В 308 г. предводитель сюнну Лю Юань объявил себя императором, а его преемник Лю Цун взял через три года столицу империи Цинь и захватил в плен Сына Неба.

Помимо ухуаней и сюнну на территории Северного Китая проживали и другие кочевые племена: цзе⁶, сяньбийцы⁷, дисцы и цяны⁸. Их появление на китайских землях, так же как и появление сюнну, было связано, во-первых, с политикой переселения, проводимой китайским двором с целью использования изъявивших покорность кочевников в борьбе с внешними врагами, а во-вторых, с вооруженными вторжениями, которые совершали кочевые соседи Китая в периоды его ослабления. Непосредственной причиной, положившей начало периоду правления на территории Китая почти двух десятков государственных образований кочевников, явилась борьба за власть, происходившая при дворе династии Цинь.

Цзе появляются на исторической арене Китая в период с 304 по 439 г. На территории Китая они основали царство Поздняя Чжао (319–351 гг.).

Сяньбийцы, относившиеся к монголоязычной группе народов, делились на племена, из которых наиболее сильными были мужун (муюн)⁹ и тоба (табгачи)¹⁰. Племя тоба создало династию Северная Вэй (386–556 гг.), которая в дальнейшем сумела объединить под своей властью весь Северный Китай.

Дисцы явились создателями династий Ранняя Цинь (351–394 гг.) и Поздняя Лян (385–403 гг.).

Цяны создали династию Поздняя Цинь (384–417 гг.) [12].

Таким образом, в Восточной Азии начиная с III в. часть сюнну, цзе, сяньби, ди, цяны и другие ближайшие соседи древних китайцев начали постепенно перемещаться на Среднекитайскую равнину. Под давлением кочевников в 316 г. китайская власть

здесь на долгий период перестала существовать. Дальнейшие полтора столетия для Северного Китая были периодом постоянной смены кочевых племен, приходивших с северных и западных территорий. Основываясь на данных письменных источников, В.С. Таскин произвел примерный подсчет количества кочевого и оседлого населения, проживающего единовременно на территории Северного Китая в IV в. Общая численность кочевников составляла 200 тыс. юрт, или 1 400 000 человек. Численность оседлого населения, представленного китайцами, по приблизительным подсчетам, составляла 1 450 000 человек, т.е. примерно равнялось кочевому населению [7. С. 14–15].

Особенность этого периода состоит в том, что прежде враждовавшие с Китаем племена (которые раньше жили за пределами собственно китайских земель и только время от времени совершали набеги, а затем снова уходили в родные степи) обитали уже не за пределами Китая, а на китайских землях и получили возможность выступать против Китая в наиболее благоприятное для них время.

В отличие от ситуации, которая была характерна для древнекитайского этноса в эпохи Цинь–Хань, когда, несмотря на тенденцию к совмещению этнических и политических границ, вторые в течение длительного периода времени были шире первых, в III–VI вв. соотношение этнических и политических общностей оказывается прямо противоположным. На Севере, где начиная с IV в. господствовали «варвары», исконное древнекитайское население в основном занимало подчиненное положение. На Юге, напротив, древние китайцы в политическом смысле главенствовали над местным населением, оказавшимся в роли этнического субстрата. Несовпадение этнических и политических границ становится в этот период важным фактором этнических процессов. Однако материальные свидетельства отражают тот факт, что общение китайцев на Севере активней происходило с разноэтничным некитайским пришлым населением, чем с китайцами, которые переселились на юг [13. Р. 15–58; 14].

Эти события повлекли за собой начало массового переселения китайцев на юг, в бассейн Янцзы. В движение пришли и «южные варвары». Миграции различных этнических групп коренным образом изменили облик населения на огромных территориях Восточной Азии¹¹. Для этого времени характерно взаимовлияние принципиально различных укладов жизни кочевой и земледельческой цивилизаций [16].

В пестрых по этническому составу государствах, которые сложились на территории Китая в IV в., естественно, существовали разные нравы, обычаи и верования. В духовной сфере это проявилось в распространении большого числа суеверий, связанных со всеми сторонами жизни. В сфере материальной жизни это выражалось в распространении занятий, близких по духу кочевникам. Во-первых, охота, служившая не только развлечением и способом добывания пищи, но и практикой воинов в ведении военных действий. Оседлое население, т.е. китайцы, этот вид деятельности не поддерживало, поскольку он лишал его плодородных земель, занятых под посевы, и наносил ущерб сельскохозяйственному

производству, так как для облавных охот отводилась огромная территория [7. С. 22].

В первые годы кочевых династий в Китае широко был распространен традиционный для них обычай левирата. Однако он был довольно быстро запрещен, скорее всего, в связи с недовольством китайского оседлого населения¹².

Важным примером этнокультурных взаимодействий этого периода можно считать изменения в похоронном обряде. Кочевники хоронили своих покойников так, чтобы место погребения оставалось неизвестным, но с очень богатым сопровождающим инвентарем. Эта традиция, по-видимому, связана как с желанием предохранить могилу от разграбления, так и со страхом перед душой умершего, с которым живые стремились порвать все связи. Китайцы, наоборот, очень бережно и аккуратно относились к могилам предков, соблюдали траур после похорон, который сопровождался многочисленными бытовыми запретами вплоть до необходимости на время траура оставлять службу. Периодически обязательным считалось проводить поминки, сопровождающиеся жертвоприношениями. Однако в предсмертном указе Ши Лэ (274–333 гг.)¹³ предписывалось: «Похороните меня на третий день после смерти, пусть чиновники, как при дворе, так и вне его, снимут траурные одежды по окончании похорон; не запрещайте свадеб, жертвоприношений, вкушение вина и мяса; военачальники с карательными функциями, пастыри областей и правители округов не должны покидать места службы, чтобы принять участие в похоронах; меня положите в гроб в обычной одежде, тело поставьте на обычную колесницу, в могилу не кладите золота и драгоценностей, различные изделия и безделушки» [8. С. 207]. Указ этот можно рассматривать как направленный против похоронных обрядов кочевников и китайцев.

Раскопки погребений, относящихся к разным этапам продвижения сяньбийцев в Китай, дают нам возможность проследить трансформацию образа жизни кочевых племен под влиянием земледельческого окружения [17, 18].

Специфика раннесяньбийских захоронений в районе Чжалайнора отражает этап истории народа, когда он вел традиционный кочевой образ жизни. Для погребений раннего периода сяньбийцев характерно сопровождение умершего важными для жизни кочевника атрибутами: сопогребение коней, а также отделенными от туловища конскими, коровыми, собачьими головами, большим числом костяных наконечников стрел и накладок на лук, берестяной посуды, типично кочевническими бронзовыми котлами. Все это говорит о том, что в I в. н.э. сяньбийцы еще не подверглись значительному влиянию со стороны древних китайцев. Однако в захоронениях сяньбийцев этого времени уже найдены ханьские бронзовые зеркала.

Следующий этап ранней истории сяньбийских племен нашел отражение в археологических памятниках в районе Линьдуна, где найдены не только захоронения, но и жилища. Культурный облик этих памятников во многом схож с чжалайнорскими¹⁴. Но наряду с этим встречаются такие предметы, как железные орудия и костяные пряслица, свидетельству-

ющие о развитии ткачества. Различия в количестве и качестве инвентаря погребений свидетельствуют об усиливающемся имущественном расслоении сяньбийского общества во II в.

Восточная ветвь сяньбийцев – муюны – также вступили в непосредственный контакт с древними китайцами. Муюнские погребения III–IV вв., раскопанные близ Бэйпяо (Ляонин), позволяют судить о культуре этой части сяньбийцев после их переселения в долину Далянхэ. Здесь мы уже не видим сколько-нибудь отчетливых следов кочевого быта. Оседлый образ жизни, свидетельством которого является, в частности, обильная керамика, изготовленная на гончарном круге, заметное имущественное расслоение, распространение некоторых предметов древнекитайской материальной культуры – все это говорит о трансформации социальной и этнической специфики муюнского общества.

Воспринимая отдельные черты древнекитайской культуры, муюны распространяли свои знания и навыки на окружающее китайское население. В Бэйпяо были обнаружены погребения младшего брата североянского правителя Фэн Су-фу и его супруги. Могильные ямы выложены отесанными каменными плитами, что совершенно не характерно для китайских погребений того времени. Один из основных мотивов фресок, украшающих стены саркофага, – изображение собак, а в погребение жены Фэн Су-фу было положено два

щенка¹⁵. Среди других предметов, найденных в захоронениях, помимо традиционных древнекитайских лаковых изделий и бронзовых печатей, найдены и сяньбийские вещи – котел «кочевнического» типа, украшения, оружие из кованого железа.

Аналогичные процессы происходили в IV в. и на территории расселения другой ветви сяньбийцев – табгачей. Археологические данные позволяют установить, что первоначальный облик культуры табгачей значительно трансформировался под воздействием, с одной стороны, древних китайцев, с другой – сюнну. В погребениях III в. близ Цзинина на границе между Внутренней Монголией и провинцией Шаньси обнаружены многочисленные китайские вещи (зеркала, монеты, керамика), а также ажурные бронзовые бляхи сюннуского типа.

Таким образом, проблема этнокультурных контактов с некитайскими народами на территории самого Китая в период раннего Средневековья выявляет важную особенность китайской цивилизации, заключающуюся в том, что все привнесенные элементы постепенно адаптируются, китаизируются и становятся элементами самой китайской культуры. С другой стороны, правление сяньбийцев, как и других степных народов, вторгавшихся на север Китая, оказало существенное воздействие на формирование единого китайского этноса в период раннего Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перемещения отдельных групп кочевников, приведшие к появлению их на землях, населенных китайцами, не всегда носили характер военного вторжения. Наиболее развитые из кочевых народов севера Восточной Азии (в частности сюнну) уже в последние века до нашей эры устанавливали с древним Китаем постоянные контакты, благодаря которым у них появилась возможность получать такие продукты земледельческого производства и ремесла, как зерно, вино, ткани, лаковые изделия и пр. Некоторые другие группы кочевников (например, сяньбы) начали испытывать острую потребность в таком рода контактах несколькими веками позднее. С середины I в. н.э. отдельные группы сяньбы стали перемещаться в район округов Юйян и Шангу, где совершали нападения на древнекитайское население. Однако после создания в г. Нинчэне специального места для «сезонных торгов» более 40 лет военных столкновений между сяньби и Хань не отмечалось.

² Ухуани были образованы из остатков племени дунху, разгромленного шаньюем Модэ (Маодунем) на территории юга Монголии, в IV в. они были завоеваны сяньбийцами.

³ В эпоху шаньюя Моде, который на востоке разбил дунху, на севере покорил динлинов и предков современных киргизов, а на западе прошел юэчжей, границей сюннуских земель на западе стал современный Синьцзян, на востоке – р. Ляохэ, на юге – империя Хань, пограничная линия с которой проходила по Великой стене. На севере владения сюнну достигали Байкала [1].

⁴ Однако само погребение Хо Цюйбина, расположенное в 1 км к северо-востоку от усыпальницы императора У-ди, и 16 изваяний, которые были расположены перед могильным холмом или на его склонах, по многим позициям отличаются от принятых для того времени погребальных стандартов и художественных стереотипов. Такие скульптуры, как «обезьяна, борющаяся с медведем» и «конь, топчущий варвара-гунна», не имеют аналогов в известных образцах древнекитайского декоративно-прикладного и изобразительного искусства, хотя сам по себе образ коня был распространен в ханьском погребальном художественном творчестве. Изваяния высечены из твердых гранитных глыб с помощью железных и стальных инструментов и отличаются монументальностью размеров (до 2,5 м в длину) и воспроизводят как единичные фигуры: человека (в стоящей позе, высота 2,22 м), животных – быка, тигра, лошади, слона (в лежащих позах), а также жабы, лягушки и рыбы, так и сюжетные композиции [2]. Изображение головы и лица «варвара» в изваянии коня почти полностью повторяет изображение отрубленных голов гуннов в виде деревянных подвесок на конской узде из Пазырыкского кургана (Южный Алтай) [3]. Возможно, мастера, выполнившие скульптуры для погребения Хо Цюйбина, использовали в качестве образца какие-то изделия юэчжи, поскольку гора Цилянь, связываемая с победами и смертью Хо Цюйбина и послужившая, по преданию, прообразом его погребального ансамбля, находилась на территории исконных владений одного из племен юэчжи [4. С. 95–100].

⁵ Шаньюй – титул верховных правителей сюнну – появился в Китае не позднее периода Чжаньго (403–221 гг. до н.э.). После распада сюннуского государства этот титул употреблялся ухуанями, сяньбийцами и др. Как верховный правитель шаньюй представлял сюнну в отношениях с другими государствами и народами. Эта функция шаньюя особенно ярко проявилась в отношениях с империей Хань. Ханьские императоры вели переговоры, заключали договоры, обменивались дипломатическими письмами и т.д. не с отдельными знатными лицами, а только с шаньюем. Он выполнял также обязанности верхового военачальника. Совершая нападения на соседние страны, шаньюй одновременно принимал меры по охране своей территории. По-видимому, они были также и верховными судьями [5. С. 67]. В 402 г. вождь жожуаней первый официально провозгласил себя каганом, с этого времени верховные правители различных племен Центральной Азии перестают именовать себя шаньюями. Тем не менее термин «шаньюй» не исчез окончательно. Он еще долгое время находил применение в Центральной Азии и Китае, но уже не в качестве официального титула, а просто как почетное звание верховного вождя. Например, правители владений уйголов в период их зависимости от киданей именовались шаньюями.

⁶ Цзе кочевали к юго-востоку от сюнну. В вопросе о происхождении народа цзе пока нет окончательной ясности. М.В. Крюков, не касаясь этногенеза цзе, отмечает, что они были выходцами с территории Средней Азии, а на Среднекитайской равнине оказались вместе с сюнну [8. С. 72, 256]. Более подробно, ссылаясь на Э. Шаванна, рассказывает о цзе Л.Н. Гумилёв, считая, что это племя образовалось при распаде хуннского (сюннуского) общества (25–85 гг.). Они нетождественны племенам Запада, которые принадлежали к Вэйби (сяньби). Они не одной расы – среди них имеются танху, и динлины, и цяны (тибетцы), которые живут вместе с ними [9. С. 28]. Однако В.С. Таскин считает ссылку Л.Н. Гумилёва на Э. Шаванна ошибочной, поскольку Э. Шаванн говорит не о цзе, а о цзы, или цзылу, о которых имеются сведения в источниках. Сделав перевод и проведя ана-

лиз сведений, содержащихся в источниках, В.С. Таскин пришел к выводу, что по многочисленным прямым и косвенным свидетельствам цзе составляли одно из сионнуских кочевий и выделились из кочевья цянцзой. Этноним цянцзой связан с именем Цянцзоя, шаньсяя южных сионну, занимавшего этот пост с 179 по 188 г. Следовательно, этноним «цзе» связан с названием местности Цзэши (современный уезд Юйшэ в пров. Шаньси), и, таким образом, цзе – это лишь географическое определение, а не самоназвание кочевья [7. С. 5–7].

⁷ Сяньбы занимали территорию от Цинхая на западе до р. Ляохэ на востоке.

⁸ Дисы и цяны кочевали в западных областях Китая, на территории Шаньси, Ганьсу, Цинхая. В конце III в. до н.э. цянские племена были западными соседями Циньского государства. Граница между территорией государства Цинь и цянами проходила в районе городов Линтао и Цанчжун (провинция Ганьсу). При династии Хань западные цяны заселяли местности к югу от гор Цзялянь по берегам верхнего течения реки Хуанхэ и ее притоков и степи по берегам озера Кукунор. В конце I тыс. до н.э. западные цяны находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Это связано с тем, что в это время у них происходит переход к кочевому скотоводству. По легенде, приводимой в китайских источниках, скотоводству и земледелию цянов научил их легендарный родоначальник Угэюань (по сообщениям Хоу Хань шу, Угэюаньцзян был рабом в Китае, бежал из плена и встретил в пути женщину с отрезанным носом. Стыдясь своего уродства, женщина распускала волосы и покрывала ими лицо. Угэюаньцзян женился на этой женщине, и от нее у цянов появился обычай носить волосы распущенными) [10. Ч. 1. С. 14–15; 11]. Позднее этот обычай был характерен для многих тибетских племен и упоминается различными источниками. Слово «угэ» в имени Угэюаньцзянзначило раб. Так как уже в иньское время цяны славились своими лошадьми, а материалы из могильника Сыва показывают, что цяны занимались овцеводством в начале I тыс. до н.э., вероятно, в данном случае речь должна идти не о переходе к скотоводству вообще, а о переходе к кочевому скотоводству. На рубеже нашей эры цяны уже были знакомы с поливным земледелием, которое процветало в районе г. Синин. К концу I тыс. до н.э. цянские племена проникли далеко на запад. На рубеже нашей эры в Цайламе и юго-восточной части современной провинции Синьцзян существовал ряд самостоятельных цянских владений.

⁹ Мужун создали четыре династии: Ранняя Янь (337–370 гг.), Поздняя Янь (384–409 гг.), Западная Янь (386–394 гг.) и Южная Янь (398–410 гг.).

¹⁰ Изначально тоба кочевали в степях Внутренней Монголии.

¹¹ Китайские специалисты уделяют большое внимание исследованию этого периода и результатам переселения северных кочевых народов в Среднекитайскую равнину и северных китайцев на юг. Они (в частности, Тань Цисян) подходят к данному вопросу с точки зрения экономического развития. Переход части населения Среднекитайской равнины через Янзы и распространение его в южном Китае имели огромное историческое значение для последующего превращения этих районов в один из двух экономических центров китайского государства. Одновременно этот процесс стал сам по себе важным результатом эволюции отношений между населением Великой равнины и пришедшими с севера кочевыми народами. Эти итоги заложили, как показал Тань Цисян, основы развития отношений экономической взаимозависимости и сотрудничества между населением севера и юга Китая в Средние века, что сыграло решающую роль в слиянии китайского и северного этноса в IV–VI вв. [15. С. 104].

¹² Ши Йэ (второе имя Ши-Лун) – один из основателей Позднего Чжоу (319–352 гг.), запретил обычай жениться на женах умерших братьев.

¹³ Основатель Поздней Чжао (319–351 гг.).

¹⁴ Ориентировка могил на северо-запад, сопогребение конских, коровьих и собачьих голов.

¹⁵ У ухуань и сяньбы было представление о том, что собаки сопровождают усопшего в место его окончательного успокоения на горе Чишань [8. С. 91].

ЛИТЕРАТУРА

1. Barfield T.J. The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad frontier // Empires: Perspectives from Archaeology and History. Conference “Imperial designs: Comparative Dynamics of Early Empires”, held in Mijas, Spain, in the autumn of 1997 / eds. S.E. Alcock, T.N. D’Altroy, K.D. Morrison, C.M. Sinopoli. Cambridge ; New York, 2001. P. 10–41.
2. Luo Zhewen. China’s Imperial Tombs and Mausoleums. Beijing, 1993. P. 55–58.
3. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юэчжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург : материалы Всерос. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. СПб., 1998. С. 169–177.
4. Кравцова М.Е. О генерале Хо Цойбине и истории возникновения в Китае традиции каменной монументальной скульптуры // Первые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение. Материалы научной конференции. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 95–100.
5. Файзрахманов Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань : Мастер Лайн, 2000. 188 с.
6. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1 : Сионну / пер., предисл. и ком. В.С. Таскина. М. : Наука, 1989. 297 с.
7. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 2: Цзе / пер., предисл. и ком. В.С. Таскина. М. : Наука, 1990. 255 с.
8. Крюков М.В., Маливин В.Б., Софонов М.В. Китайский этнос на пороге Средних веков. М. : Наука, 1979. 328 с.
9. Гумилёв Л.Н. Хунны в Китае. М. : Наука, 1974. 236 с.
10. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1–3. М. ; Л. : ИЭ АН СССР, 1950–1953.
11. Чжан Хойкан. Hòu hànshū jīn zhù jīnyì (История поздней Хань с современной аннотацией и современный перевод). Сюэли чубаньшэ, 1997.
12. Куликов Д.Е. К вопросу об истории древних цянов // XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае». М. : Наука, 2001. С. 38–41.
13. Shelach G. Early Pastoral Societies of Northeast China: Local Change and Interregional Interaction during c. 1100–600 BCE // Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World / ed. R. Amitai, M. Biran. Brill's Inner Asian Library. Leiden and Boston, 2005. Vol. 11. P. 15–58.
14. Shelach G. Prehistoric Societies on the Northern Frontiers of China: Archaeological Perspectives on Identity Formation and Economic Change during the First Millennium BC. London and Oakville, Conn. : Equinox, 2009.
15. Сюй Тао. Китай и северные варвары (III в. до н.э. – VI в. н.э.) взаимодействие народов и культур : дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
16. Zhōngguó gǔdài bēifāng mínzú wénhuà shǐ (История культуры этнических групп на севере Китая в древности) / ред. Чжан Бибо, Донг Гуюо. Harbin : Heilongjiang People's Press, 2001.
17. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Наборные пояса кочевников Эдигана в сяньбийский период // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. I : материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. С. 194–199.
18. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Оружие дистанционного боя уnomадов долины р. Эдиган в сяньбийско-жуланьское время (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух в 2002 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд АГУ, 2005. Вып. XIV. С. 23–26.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2015 г.

TRANSFORMATION OF CHINA'S RELATIONS WITH THE NOMADIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA IN THE MIDDLE AGES

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 23–27. DOI: 10.17223/15617793/403/4

Barinova Elena B. Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: BarinovaElena@rambler.ru

Keywords: China; Central Asia; ethno-cultural contacts; Middle Ages.

This article considers various aspects of China's relations with the nomads of Central Asia, which are associated with the relocation of neighboring peoples to the northern border of the empire. The major feature of this ethno-political situation was that the state and political union of northern China provided objective conditions and opportunities for close interaction and most progressive cultural unification of various peoples of the empire on the basis of the ancient culture. China's policy in relation to the surrounding nomadic peoples, especially in Central Asia, is significantly different in some historical periods, although the strategy was always the same: to maximize the sphere of influence in the surrounding area and, at the same time, to protect the population of their state against external aggression. At the initial stage, China solved this problem trying to distance the nomads from their borders and to maximally fence off from their penetration. However, protection of the borders with defensive constructions was expensive and did not bring the desired results. Then policy towards nomads was revised and a new tactics of struggle was used. For its implementation some of the tribes were moved to the borders of China. Their coming to the Chinese land was due to the resettlement policy carried out by the Chinese court in order to use nomads in the fight against external enemies. This helped to reduce the armed invasion that China's nomadic neighbors made in times of its weakening. However, it was the direct cause which marked the beginning of the rule in China of nearly two dozen public entities of nomads. These events led to the beginning of mass migration of the Chinese to the south of the Yangtze basin. The "southern barbarians" also moved. The migration of different ethnic groups fundamentally changed the population in large parts of Eastern Asia. This time is characterized by mutual coexisting of fundamentally different ways of life of nomadic and agricultural civilizations. Thus, the problem of ethnic and cultural contacts with the non-Chinese peoples on the territory of China in the early medieval period reveals an important feature of the Chinese civilization that consists in the fact that all the introduced elements gradually adapted and became elements of the Chinese culture. On the other hand, the rule of the steppe peoples who invaded the north of China had a significant impact on the formation of the Chinese ethnicity in the early Middle Ages.

REFERENCES

1. Barfield, T.J. (2001) The Shadow Empires: Imperial State Formation along the Chinese-Nomad frontier. *Empires: Perspectives from Archaeology and History*. Conference "Imperial designs: Comparative Dynamics of Early Empires", held in Mijas, Spain, in the autumn of 1997. Cambridge; New York. pp. 10–41.
2. Luo Zhewen. (1993) *China's Imperial Tombs and Mausoleums*. Beijing: Foreign Languages Press.
3. Klyashtorny, S.G. & Savinov, D.G. (1998) [Pazyryk bridle. On the history of Yuezhi-Xiongnu wars]. *Drevnie kul'tury Tsentral'noy Azii i Sankt-Peterburg* [Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg]. Proceedings of the conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of A.D. Grach. St. Petersburg. pp. 169–177. (In Russian).
4. Kravtsova, M.E. (2004) [On Gen. Huo Qubing and the history of China's tradition of monumental sculpture in stone]. *Pervye Torchinovskie chteniya. Religiovedenie i vostokovedenie* [First Torchinov Readings. Religious studies and Oriental studies]. Proceedings of the conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 95–100. (In Russian).
5. Fayzrakhmanov, G. (2000) *Drevnie tyurki v Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Ancient Turks in Siberia and Central Asia]. Kazan: Master Layn.
6. Dmitriev, S.V. (ed.) (1989) *Materialy po istorii kochevyykh narodov v Kitae III–V vv.* [Materials on the history of nomadic peoples in China of the third – fifth centuries]. Vol. 1. Translated by V.S. Taskin. Moscow: Nauka.
7. Dmitriev, S.V. (ed.) (1990) *Materialy po istorii kochevyykh narodov v Kitae III–V vv.* [Materials on the history of nomadic peoples in China of the third – fifth centuries]. Vol. 2. Translated by V.S. Taskin. Moscow: Nauka.
8. Kryukov, M.V., Malyavin, V.V. & Sofronov, M.V. (1979) *Kitayskiy etnos na poroge Srednikh vekov* [Chinese ethnicity on the threshold of the Middle Ages]. Moscow: Nauka.
9. Gumilev, L.N. (1974) *Khunny v Kitae* [Xiongnu in China]. Moscow: Nauka.
10. Bichurin, N.Ya. (Iakinf). (1950–1953) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of information about peoples that lived in Central Asia in ancient times]. Vols 1–3. Moscow; Leningrad: IE USSR AS.
11. Zhang Huikang. (1997) *Hòu hánshū jìn zhù jīnyì* [History of the Later Han with modern abstract and modern translation]. Syueli chuban'she. (In Chinese).
12. Kulikov, D.E. (2001) [On the history of the ancient Qiang]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and state in China]. XXXI Scientific Conference. Moscow: Nauka. pp. 38–41. (In Russian).
13. Shelach, G. (2005) Early Pastoral Societies of Northeast China: Local Change and Interregional Interaction during c. 1100–600 BCE. In: Amitai, R. & Biran, M. (eds) *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Vol. 11. Leiden and Boston: Brill's Inner Asian Library.
14. Shelach, G. (2009) *Prehistoric Societies on the Northern Frontiers of China: Archaeological Perspectives on Identity Formation and Economic Change during the First Millennium BC*. London and Oakville, Conn.: Equinox.
15. Xu Tao. (1996) *Kitay i severnye varvary (III v. do n.e. – VI v. n.e.) vzaimodeystvie narodov i kul'tur* [China and the northern barbarians (III century BC – VI century AD): the interaction of peoples and cultures]. History Cand. Diss. Moscow.
16. Bibo Zhang & Dong Guoyao. (eds) (2001) *Zhōngguó gǔdài bēifāng mínzú wénhuà shí* [Cultural history of ethnic groups in northern China in ancient times]. Harbin: Heilongjiang People's Press. (In Chinese).
17. Borisenko, A.Yu. & Khudyakov, Yu.S. (2004) [Belts of Edigan nomads in the Syanbi period]. *Problemy arkheologii, etnografi, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Materials of the Annual Session of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. Vol. X. Pt. I. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 194–199. (In Russian).
18. Borisenko, A.Yu. & Khudyakov, Yu.S. (2005) Oruzhie distantsionnogo boyta u nomadov doliny r. Edigan v syan'bysko-zhuzhan'skoe vremya (po materialam raskopok mogil'nika Ulug-Choltukh v 2002 g.) [Remote battle weapons of the nomads of the Edigan valley in the Syanbi-Rouran time (based on the excavations of the Ulug-Choltuh burial in 2002)]. In: *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [The preservation and study of the cultural heritage of the Altai]. Vol. XIV. Barnaul: Altai State University. pp. 23–26.

Received: 11 November 2015